

Стенограмма
Круглого стола по проблемам международной политики
и перспективам российско-американских отношений

15 июня 2007 года

Горбачев М. С. Добрый день, друзья. У нас сегодня с вами особенный Круглый стол. В нашем Фонде Круглый стол «Экспертиза» - это основная форма дискуссий, в рамках которых мы проводим обсуждение проблем, которые нас волнуют, – и внутренних и внешних.

Я думаю, вы уже понимаете, почему это особенный Круглый стол. Потому что он посвящается встрече с выдающейся личностью – Фрэнсисом Фукуямой – не просто возмутителем спокойствия и мирового общественного мнения, но человеком, однажды провозгласившим конец истории. Сейчас все, кто хочет отыгаться на нем, могут записаться для выступления.

Правда, потом разобрались. Оказалось, речь идет не о конце истории, а о торжестве неолиберализма. Наш гость так же оказался партийным, как и мы были в свое время. Это мы отмечаем. Ну что же, это выбор каждого.

Конец истории не состоялся, как и не состоялось (может быть, я рано говорю) торжество неолиберализма. Половина континентов уже подвергли это сомнению и, в частности, вашингтонский консенсус как наиболее яркое выражение этой концепции.

Мне показалось (я еще раз заглянул в эту статью господина Фукуямы), что и в принципиальном плане эти мысли, эти высказывания уж очень напоминали тем, кто читал (а у нас все-таки многие читали Гегеля, и он у нас издавался), гегелевской постулат: всё, абсолютная идея воплощается в прусской монархии – конец истории. В общем, все повторяется, но с некоторыми нюансами, с учетом и исторического контекста, и с учетом теоретических взглядов того или иного человека.

Но что мне показалось очень важным и очень ценным? То, что брошюра Фрэнсиса Фукуямы начинается с изложения его очень важного наблюдения. А именно: «Во всемирной истории происходит нечто фундаментальное». Это точно. И мы тогда, в это же время замечали, что действительно происходит нечто фундаментальное. И события и перемены, которые происходили в мире в самом конце XX века и в начале XXI века, подтвердили, по-моему, это пророчество - я бы это назвал именно пророчеством. И мировое сообщество пока еще не дало ответа на это наблюдение и на то, что происходит в мире - на фундаментальные перемены.

В это мы все погружены, этим мы заняты. Я думаю, нам надо искать ответы не в том, чтобы и дальше делиться и сражаться: чья школа лучше, чья концепция и т.д., а в объединении интеллектуальных усилий. Слава Богу, нет холодной войны, поэтому встречи между учеными разных направлений – это норма в сегодняшней жизни.

Вот, собственно, то, что я хотел содержательно сказать во вступлении.

Еще хочу сказать: перед нами, несомненно, человек большой эрудиции и глубины. Кстати в октябре нынешнего года Фрэнсису Фукуяме исполнится 55 лет. Это абсолютно молодой человек. Мы, пользуясь этим случаем, пожелаем ему хорошо встретить (потому что поздравлять еще рано, по-русски это вообще недопустимо) свое 55-летие. Две пятерки – у нас это самая лучшая дата. Мы Вас поздравляем, желаем новых творческих успехов, чтобы Вы во всеоружии встретили свой юбилей. Юбилей очень интересный.

Теперь как мы будем работать. Сейчас мы предоставим слово нашему гостю. Он рассчитывает на 30 минут. Тему его выступления вы все знаете. Я думаю, что это интересно. Я сказал: хорошо, 30 минут – это красная черта. Но, конечно, никаких требований не высказываю, потому что я сам это очень часто нарушаю. Затем мы имеем в виду, что последуют вопросы и ответы. Затем – выступления профессора Сергея Рогова – директора Института США и Канады и Федора Лукьянова – главного редактора журнала «Россия в глобальной политике». Перерыв на кофе, потом час на дискуссию.

Фрэнсис Фукуяма. Для меня большая честь быть приглашенным в Горбачев-Фонд и встретиться с Михаилом Сергеевичем Горбачевым лично. Хочу заметить, что когда он был Генеральным секретарем ЦК КПСС, я был молодым исследователем и в конце 80-х прочел фактически все его выступления в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС.

Идея книги «Конец истории» пришла мне после того, как я прочел одну из Ваших речей, в которой Вы говорили о меняющейся природе социализма. Я понял, что идеологическая конфронтация, которая привела к холодной войне между СССР и США, заканчивается. И поэтому я чувствую, что встречаюсь здесь с исторической личностью огромного масштаба. Для меня огромная честь встретиться с Вами и иметь возможность обратиться ко всем присутствующим здесь.

Мне хотелось бы сегодня поговорить с вами об американской внешней политике, которая, несомненно, представляет интерес для многих во всем

мире, особенно с учетом того, насколько могущественны США. Для меня в этом есть своего рода автобиографический момент, потому что у меня много друзей в администрации Буша. Я, в частности, работал у бывшего заместителя министра обороны Пола Вульфовица, сначала в Агентстве по контролю над вооружениями, потом в Госдепартаменте. Я знаю Кандализу Райс. Она лишь на год моложе меня и работала в корпорации «РАНД», когда я там работал. Я ее знаю фактически со студенческой скамьи. И еще ряд других лиц, работавших в администрации Буша, например Скутер Либби, мне хорошо известны.

Хотя в 90-х годах я поддерживал весьма жесткую линию в отношении Ирака, после 11 сентября, когда администрация излагала свою аргументацию в пользу начала войны, меня все меньше и меньше убеждали ее аргументы. У меня начали возникать вопросы к неоконсервативному движению, к которому я, как мне казалось, всегда принадлежал. И я написал об этом книгу.

Я хочу немного поговорить о предыстории того, как США оказались в нынешнем положении на Ближнем Востоке. Ведь это фиаско – другого слова не подберешь. А потом попробовать заглянуть в будущее и поговорить о новых направлениях. Потому что в следующем году у нас сменится администрация и, понятно, будут меняться и направления внешней политики США.

Когда мы говорим о неоконсерватизме, это всегда вызывает негативный образ - фактически везде, особенно в Европе, поскольку предполагается, что это своего рода форма американского милитаризма и чуть ли не фашизма. Жаль, что это так, потому что неоконсерватизм на самом деле это серьезное течение мысли, основанное группой интеллектуалов, которые получили образование в Нью-Йоркском университете (Сити-колледж) в конце 30-х - начале 40-х годов прошлого столетия. Это Ирвинг Кристалл, Ирвинг Хау, Даниэл Белл, Нейтан Глейзер,

Даниэл Патрик Мойнихен, ставший потом сенатором от штата Нью-Йорк. Все они стали выдающимися мыслителями, причем многие из них, как Кристалл, начинали как троцкисты.

Политические взгляды в то время в Нью-Йорке вообще были очень радикальными. И Сити-колледж разделился на тех, кто поддерживал Сталина, и тех, кто был троцкистом. Все были по своему происхождению были крайне левыми, но во время войны к ним пришло осознание той роли, которую сыграли США в разгроме Германии и имперской Японии и в создании послевоенного мирового порядка. Это породило две основные темы в их размышлениях о внешней политике. Одна основана на анализе того, что произошло в России во время Сталина, когда социалистические идеалы были реализованы таким образом, что они подорвали общие цели социальной справедливости, и это имело страшные последствия.

Вторая тема касалась мощи США и возможностей использования этой мощи в позитивных целях, для создания демократического мирового порядка. Эти две темы прослеживаются у многих неоконсерваторов вплоть до иракской войны. И здесь возникает некий парадокс, а именно: если бы неоконсерваторы серьезнее относились к своим наблюдениям об опасностях чрезмерно амбициозных попыток «социальной инженерии», предпринятых, например, в сталинской России или во многих социальных программах в США в 60-х гг. в рамках «Великого общества» Линдона Джонсона, то они были бы более осторожны в попытках внедрить демократию в Ираке и трансформировать политическую культуру региона, который находится столь далеко от США и который так сложно контролировать.

К сожалению, одержал верх другой принцип, который связан с верой в то, что мощь США может трансформировать ход события. И это привело к интеллектуальному обоснованию основных принципов внешнеполитической доктрины Буша, которое состояло из нескольких взаимосвязанных идей.

Администрация Буша имела, наверное, наиболее четко сформулированную стратегию внешней политики, изложенную в ряде документов, в частности в Стратегии национальной безопасности, опубликованной в сентябре 2002 года до начала иракской войны. Но парадокс заключается в том, что, хотя эта стратегия была четкой и внятной, на мой взгляд, почти все исходные посылки этой стратегии были неверными.

Первая из них заключалась в концепции превентивной войны как средства борьбы с террористической угрозой после событий 11 сентября. Вторая идея касалась готовности США сотрудничать с союзниками, а точнее – готовности действовать в одностороннем порядке в отсутствие многосторонней легитимизации действий США. Третья идея – это использование демократии в качестве инструмента для достижения американских стратегических целей. Все эти идеи, мне кажется, были порочны в своей основе, что и привело к тому кризису, в котором, как мне кажется, оказалась внешняя политика США в настоящий момент.

Давайте рассмотрим одну за другой эти идеи. Проблема превентивной войны уже была предметом интенсивных дискуссий. В каком-то смысле это был закономерный ответ на то, что произошло 11 сентября. Речь шла о появлении террористов, у которых был потенциальный доступ к оружию массового уничтожения и которые не поддаются сдерживанию, устрашению и воздействию других инструментов, которые использовались во время холодной войны во взаимоотношениях Соединенных Штатов и Советского Союза. А значит необходимо действовать упреждающе и остановить террористов до того, как они на вас нападут.

Это хорошая теория, но, к сожалению, она была направлена не на тот объект. Потому что в качестве объекта был избран Ирак Саддама Хусейна. Саддам Хусейн – весьма неприятный субъект. Он сделал очень много плохого по отношению к своим соседям и собственному народу. Но он руководил государством. Он не был террористом без государственной

принадлежности. К нему можно было применить инструменты сдерживания, как это делалось в отношении других государств. Но администрация Буша применила доктрину упреждающих действий по отношению именно к нему. То есть инструмент превентивной войны был использован для решения проблемы, которая не представляла непосредственной угрозы.

И поэтому, на мой взгляд, нам стало сейчас труднее добиваться нераспространения оружия массового уничтожения. Мы надеялись сделать цену потенциального обладания ядерным оружием такой высокой, что другие страны остерегутся идти по этому пути. Может быть, быть это сработало в отношении Ливии, но зато Иран и Северная Корея, наоборот, решили, что они будут в более безопасном положении, если у них будет ядерное оружие, потому что это удержит Соединенные Штаты от попыток изменить режим в этих странах. И в результате обе эти страны ускорили осуществление своих ядерных программ, а не свернули работы по этим программам. И сейчас нам приходится думать о том, как справиться с этими проблемами.

Второй аспект стратегии администрации Буша касается многостороннего сотрудничества. Я думаю, что она реагировала на то, что произошло в 90-е годы, когда европейцы, оказавшись перед лицом кризиса на Балканах, просто продемонстрировали, что они не в состоянии справиться с морально-политическим кризисом, который произошел на континенте. И, лишь американское лидерство в Боснии и Косово привело к тому, что были решены эти проблемы – первая с помощью Дейтонских соглашений и вторая путем вмешательства в Косово.

Я знаю, что многие в России не соглашаются с занятыми тогда США позициями, в частности по Косово. Но надо учесть, что у европейцев в этой ситуации совсем ничего не получалось. Поэтому после 11 сентября администрация Буша, видимо, просто решила, что Америка будет действовать самостоятельно, а другие будут за ней следовать, потому что

международная система – будь то посредством Совета Безопасности, Европейского Союза или НАТО – просто не может обеспечить адекватное лидерство при серьезных кризисах безопасности.

Я думаю, что в каком-то смысле это можно было понять. Но при этом были проигнорированы очень серьезные подводные течения антиамериканизма, которые являются сегодня неотъемлемой частью глобальной картины мира. Это началось во время администрации Клинтона. И во многом это результат структурного неравновесия мощи между Соединенными Штатами и другими странами мира. Соединенные Штаты сейчас расходуют на свои вооруженные силы столько же, сколько все остальные страны мира вместе взятые, они доминируют также в политическом, экономическом и культурном аспектах.

Думаю, что практически неизбежно очень серьезное сопротивление этому. Другие страны просто понимают, что они не могут подобным же образом влиять на Соединенные Штаты и реагируют на это. Односторонний подход Соединенных Штатов столкнулся с сильнейшим встречным ветром антиамериканизма. К тому же администрация усугубила положение своей позицией, которая выглядела как пренебрежение к мнению международного сообщества, даже к мнению своих ближайших союзников по НАТО.

Наконец, третьим элементом стратегии было использование демократии как инструмента американской политики.

В новой американской Стратегии национальной безопасности, которая была опубликована в прошлом году, а также во второй инаугурационной речи президента Буша говорится о центральном значении распространения демократии как основного инструмента американской стратегии безопасности. Речь не о ядерном оружии или об авианосцах или об армии, а именно о продвижении демократии.

Я думаю, что распространение демократии – дело хорошее. Эта задача эффективно решалась не раз, во многих местах. Но мне кажется, что

говорить о демократии как о средстве достижения американских целей на Ближнем Востоке – это слишком серьезная нагрузка и для демократии, и для американской внешней политики.

С точки зрения продвижения демократии проблема заключается в том, что, когда демократизация ассоциируется с политикой администрации в Вашингтоне, которая стала очень непопулярной, это затрудняет положение самих сторонников демократии, им трудно принять американскую помощь. Например, Конгресс выделил 75 млн. долларов, чтобы поддерживать продемократические движения в Иране, но никто эти деньги брать не хочет, потому что это просто слишком опасно.

А с точки зрения американской внешней политики проблема заключается в том, что демократия – это всегда очень важная цель, но она никогда не станет единственной, исключительной целью, которой хочет добиться Америка. Мы хотим энергетической безопасности, мы хотим бороться с терроризмом, мы хотим поддержать наших союзников. И всегда есть опасность того, что это будет выглядеть как лицемерие с нашей стороны, потому что будут моменты, когда нам придется поддержать недемократические страны, недемократических союзников

Таким образом, когда демократия была выдвинута как компонент нашей стратегии, это создало трудности как для американской внешней политики, так и для сторонников демократии в мире.

И последний вопрос, который связан с проблемой глобального лидерства, касается просто-напросто компетентности в осуществлении политических решений. В Соединенных Штатах очень много книг, очень много обсуждений, споров о том, что не получилось в Ираке. И анализ показывает, что в значительной мере это результат неумения планировать, предвидеть последствия, которые возникнут в результате вторжения. В итоге после вторжения ситуация в Ираке и во всем регионе гораздо хуже, чем она могла бы быть.

Теперь от прошлого перейдем к тому, что произойдет после Буша.

В каком-то смысле, я думаю, второй срок администрации Буша уже можно назвать послебушевским периодом. Потому что администрация Буша уже исправляет определенные ошибки, которые были сделаны в течение первых четырех лет. Конди Райс в качестве госсекретаря использует гораздо более многосторонние подходы в работе над проблемами Ирана и Северной Кореи, действуя через европейскую контактную группу по Ирану и через шестисторонние переговоры по Северной Корее.

Конечно, время от времени слышны высказывания о возможности применения силы. Но я считаю, что это очень маловероятно как в первом, так и во втором случае. Несмотря на «стратегию усиления» в Ираке, насколько мне известно, республиканцы все более понимают, что необходима продуманная стратегия ухода из Ирака. И после сентября этого года у нас будет очень серьезное обсуждение того, как уменьшить, а в перспективе закончить американское присутствие в этой стране.

Вопрос, который, как мне кажется, будет обсуждаться американцами действительно серьезно, - это какие крупные идеи будут формировать подход Америки к мировым проблемам после Буша. Если в 2009 году у нас будет президент-демократ, то он скорее всего захочет все делать по-другому по сравнению с позицией предыдущей администрации, так же, как люди Буша хотели делать все по-другому после администрации Клинтона.

Но существует много вариантов «стратегии без Буша». Одна из возможностей состоит в гораздо более радикальном сворачивании американских обязательств в мире. Многие ученые в результате иракской войны стали все настойчивее выступать за полный вывод американских сил с Ближнего Востока. По их мнению, США должны быть внешней, «оффшорной» силой, обеспечивающей баланс, но не участвующей непосредственно в конфликтах в Персидском заливе и на Ближнем Востоке. Предлагается сократить обязательства по отношению к НАТО, Японии,

Корею, вообще на Дальнем Востоке. Это своего рода крайний вариант глобального отступления или стратегии максимального ограничения американского присутствия.

Вторая возможность – это вернуться к классическому реализму, связанному с именами Генри Киссинджера, Brenta Скоукрофта и Джеймса Бейкера. В этом случае мы уменьшим акцент на распространении демократии и правах человека в наших отношениях с Китаем и Россией, будем сотрудничать с авторитарными режимами на Ближнем Востоке для того, чтобы обеспечить энергетическую безопасность, и в общем будем стремиться поддерживать нейтральное равновесие сил в глобальной политике. Такой подход, безусловно, позволил бы легче строить отношения между Соединенными Штатами и Россией, Соединенными Штатами и Китаем, потому что уйдет идеологическая составляющая неоконсервативного подхода.

И третий вариант – тот, который я предпочитаю: продолжать обращать внимание на внутреннюю политику различных стран мира, считать ее важным критерием или фактором в формировании политики США по отношению к другим странам, но при этом использовать другие методы. Разумеется, продвижение демократии военным путем непродуктивно, но, с другой стороны, принимая во внимание то, что мы живем в глобальном мире, игнорировать то, что происходит внутри стран, тоже не является адекватным подходом к мировым делам.

Потому что во многом то, что происходит внутри страны, напрямую влияет на поведение страны вовне. Особенно на Ближнем Востоке нельзя выработать адекватный курс, если не обращать внимания на необходимость укрепления государственности в таких местах, как Палестина, или Ливан, или Ирак. Политика, которая призвана влиять на внутренние дела в странах в интересах оздоровления и укрепления власти, ее демократизации и

легитимизации, на мой взгляд, в принципе правильна, но осуществлять ее надо по-другому.

Большой вопрос, на который я не могу здесь ответить, состоит в том, как сами американцы отнесутся к этим различным вариантам стратегии. Существует база поддержки Джорджа Буша, консервативные штаты. Как правило, консервативные избиратели предпочитают относительно сдержанную внешнюю политику. Они готовы поддержать войну, если безопасность Соединенных Штатов подвергается непосредственной угрозе, но у них минимальный интерес к распространению демократии и прав человека, они враждебно относятся к иммиграции, с подозрением – к свободной торговле и глобализации.

Но есть другие республиканцы – «интернационалисты», которые представляют интересы бизнеса, международные корпорации, лидеров мировой экономики. Их гораздо больше волнуют международные проблемы. Им гораздо больше по душе «реальная политика» наподобие той, которую проводил Киссинджер.

И наконец, многочисленные избиратели-центристы, которые просто запутались из-за событий последних нескольких лет. Некоторые из них из-за сильной поляризации американской политической жизни в последние годы тяготели к краям политического спектра, но я полагаю, что при разумном лидерстве их можно убедить в необходимости поддержки умеренной и в то же время достаточно активной позиции США на международной арене.

Вот примерные контуры ближайшего будущего. Хочу сказать, что несмотря на то, что я написал квазимарксистскую книжку «Конец истории», в своих взглядах на то, как реально развивается история, я не придерживаюсь детерминистского материалистического подхода. Я считаю, что лидерство и роль личности важны. Уверен, что если бы Михаил Сергеевич не был Генеральным секретарем в 80-е годы, все произошло бы иначе. Так что

конкретные личности важны. Но не спрашивайте меня, кто будет следующим президентом Соединенных Штатов. Я просто не знаю.

Я изложил основные возможные варианты и с удовольствием выслушаю мнения других участников нашей дискуссии, в том числе о том, что они думают об Америке.

Буквально последнее замечание. Меня как американца очень беспокоит в последние несколько лет следующее. Поскольку США достигли такой мощи, американцы не очень прислушиваются к мнению других стран, к тому, как выглядит мир и как выглядим мы в глазах других стран. И любая попытка восстановить авторитет США в мире, должна предполагать прежде всего большее умение слушать других.

Большое спасибо.

Вопрос. Паниев Ю.Н., газета «Московские новости» . Господин Фукуяма, в своем очень интересном выступлении Вы, к сожалению, ничего не сказали о политике Белого дома в отношении России. Могли бы Вы сказать несколько слов по этому сюжету? Нынешнее состояние и какие-то ближайшие перспективы. Спасибо.

Фрэнсис Фукуяма. Это действительно так. Это, наверное, отражает особое внимание, которое я, как и администрация Буша, уделяю проблемам Ближнего Востока. Мне кажется, что в Вашингтоне испытывают немалое разочарование в связи с развитием событий в России в последние годы. Я бы сравнил это с разочарованием влюбленного. В начале 90-х были надежды на то, что Россия перейдет к эффективной либеральной демократии, примерно так же, как это сделали Чехия или Венгрия. Вместо этого мы столкнулись с длительным периодом хаоса в политике, ослаблением государственности в России, а затем с приходом Путина – с появлением гораздо более сильного государства, но которое, как нам представляется, консолидируется и централизуется не вполне демократическим образом с точки зрения системы

сдержек и противовесов, которые характерны для полностью демократической страны.

В воскресенье я выступал в Петербурге на экономическом форуме, где был также господин Путин. (Кстати, недавно вышла на русском языке моя книга, по-английски она называется «Строительство государства», а по-русски издательство назвало ее «Сильное государство», что, мне кажется, имеет совсем другое значение или оттенок значения). Я говорил о том, что каждая страна должна обязательно иметь государство. Невозможно представить себе демократию или экономику без государства, которое обеспечивает правоприменение и правопорядок, защищает права собственности и т.д.

Но современное государство должно также принимать определенные ограничения своей власти. Это мы подразумеваем, когда говорим о верховенстве закона. Для этого нужна система сдержек и противовесов, которая обеспечивается гражданским обществом, свободной прессой и другими институтами, способными следить за деятельностью государства.

Мне представляется, что на начальном этапе администрации Путина у нас было значительное понимание стремления российского государства вновь консолидироваться, обеспечить монополию на применение силы, чтобы мафия и гангстеры не чувствовали себя вольготно. Все это вполне законно. Но в процессе всего этого сложилось впечатление, что централизация власти заходит слишком далеко.

Вот на каком фоне формируется политика США. Есть определенные опасения относительно энергетической безопасности. Администрация Буша хочет создать систему противоракетной обороны, которая явным образом не соответствует российским внешнеполитическим интересам. Есть и ряд других проблем. Но это, скорее, симптомы, чем коренные причины нынешнего охлаждения в отношениях.

С другой стороны, я не считаю, что то, что произошло, обязательно обрекает нас к возврату холодной войны. Мне кажется, условий для этого нет. Глубокие идеологические противоречия времен холодной войны просто ушли в прошлое. И я не предвижу неизбежного углубления антагонизма между США и Россией. Однако обе стороны должны будут серьезно потрудиться для того, чтобы разрешить стоящие проблемы.

Горбачев М.С. К этому вопросу. Для нас было странным, что эйфория в пользу сотрудничества с американцами и в Советском Союзе, и потом в России осталась без должной оценки и внимания партнеров и в первую очередь США. Вы не задумывались над этим? 90-е годы. Страна буквально лежит на лопатках. В хаосе все сферы жизни: государство, федерация, армия, экономика и т.д. 2/3 населения – в бедности при огромном богатстве. Месяцами, даже до года люди не получали зарплату. То есть, вообще говоря, такой ситуации никогда не было.

Запад аплодирует руководству России того периода. Тогда впервые у русских и у других зародилась мысль: оказывается, чем хуже нам, тем больше вы испытываете удовлетворение.

Теперь, когда путинское правление связано со стабилизацией, управляемостью, решением сначала одной группы социальных вопросов, потом – более масштабных и т.д., - весь Запад недоволен. Можно сделать такой вывод: Западу импонирует ситуация, при которой Россия остается полупридушенном состоянии. У Вас не возникала такая мысль?

Все разговоры о демократии. Ну, что такое демократия, если люди не могут приобрести ни еду, ни работу, не имеют ничего?! О какой демократии идет речь?! Все последние политологические конгрессы говорят об откатах демократии, потому что не решаются социальные проблемы. Какая же нужна Россия? Нам нужна стабильная, процветающая, спокойная, дружественная Россия. И Америке, и всем остальным. Но Россия твердая, ясная.

Фрэнсис Фукуяма. Нет, я вполне понимаю то, что России нужно государство, которое способно справиться со своими функциями, с тем, что должно делать государство. Может быть, тут какое-то недопонимание. Может быть, какие-то американцы хотят, чтобы Россия была слабой, но у нас преобладала надежда, что трансформация России будет такой же, как в некоторых странах Восточной Европы. В Польше, Венгрии не было перехода к хаосу, ослаблению. Они создали компетентную, современную, демократическую государственность. И разочарование было связано не с тем, что Россия стала снова сильной. Это вполне законная цель. А разочарование связано с конкретными формами, в которых выразилось это укрепление.

Как я уже сказал, в конечном итоге сильное государство зависит от своей легитимности, от того, насколько оно подотчетно своим гражданам. Сила государства во многих отношениях связана с той прозрачностью, с которой действует государство, от доверия к нему. И эти признаки, мне кажется, тоже характерны для сильных государств.

Но я надеюсь, вы не будете понимать мое мнение и мнение подавляющего большинства американцев так, что мы хотели бы, чтобы Россия оставалась в состоянии слабости начала 90-х.

Горбачев М.С. Но нам непонятно, почему когда у нас такая ситуация была в 90-е годы, Запад аплодировал. И это остается. Поэтому вряд ли поверят так, как верили тогда.

Фрэнсис Фукуяма. Как Вы сами заметили, была определенная эйфория в посткоммунистический, постсоветский период. Мне кажется, у Сталина была такая фраза – «головокружение от успехов». И тогда тоже было головокружение от успехов, если хотите.

Горбачев М.С. Была такая работа у Сталина.

Фрэнсис Фукуяма. И кроме этого – непонимание значения государства. Я написал об этом книгу, правда, она называется не «Сильное

государство», а «Строительство государства». И она является признанием того, что государства нужны, что не может быть успешной экономики или успешной демократии без основ в виде сильного эффективного государства.

Мне кажется, или я надеюсь, что на этот счет у нас нет разногласий. И я думаю, Вы правы в том, что действительно на Западе не смогли оценить значение государства как основы для всех тех положительных аспектов, которые связаны с политикой.

Вопрос. Руслан Хестанов, еженедельник «Русский репортер». Господин Фукуяма, мне бы хотелось попросить Вас сделать небольшой прогноз. Когда и если в Соединенных Штатах станет всеобщим убеждение, что война в Ираке проиграна, какие Вы предполагаете внутривнутриполитические расколы в Соединенных Штатах? Я имею в виду и партии, и национальные движения и прочее. Спасибо.

Фрэнсис Фукуяма. Мне представляется, что время выбора, наверное, придет в последние два-три месяца этого года. Мы сейчас находимся на полпути в так называемой «стратегии усиления». Но я полагаю, что к концу года будет уже ясно, что переброска в Ирак дополнительных войск не достигла своих целей. И тогда мы уже подойдем близко к первичным выборам в январе-феврале, и там уже будет даже для республиканских кандидатов сложно настаивать на том, что мы должны оставаться неопределенно долго в Ираке. И тогда, наверное, начнут говорить о том, как мы будем уходить – то ли быстро, как хотят многие демократы, то ли поэтапно. А если поэтапно, то каким образом? Потому что это вообще еще серьезно не обсуждалось.

Мне кажется, что в преддверии выборов любому кандидату будет чрезвычайно трудно утверждать, что нам и впредь надо оставаться в Ираке до тех пор, пока война не будет выиграна.

Вопрос. Евгения Бабич (Школа мировой политики при Институте США и Канады). Если я не ошибаюсь, Вы в своем интервью газете «Монд» говорили о распространении демократии «мягкими», несилowymi методами. Сегодня американская «мягкая сила» находится в некотором замешательстве. Что следует сделать следующему президенту США, чтобы восстановить доверие к внешней политике США? И может ли какую-то роль в этом сыграть Россия?

Фрэнсис Фукуяма. Для тех из вас, кто не знает, о чем идет речь, soft power – «мягкая сила» – это термин, которым Джозеф Най описал «нематериальные формы силы», силу имиджа страны, ее идей, ее примера. И это, к сожалению, в последние годы было действительно подорвано. И потребуются немалые усилия для того, чтобы восстановить наши позиции.

Если бы это зависело от меня, то я прежде всего закрыл бы лагерь в Гуантанамо, потому что, мне кажется, это стало своего рода символом всего того, что США сделали неправильно в борьбе с терроризмом. В этом плане многие американцы, например, недовольны тем, что во многих странах мира на смену образу Статуи свободы пришел образ заключенного с завязанными глазами из Гуантанамо.

Кроме того, как мне кажется, нужно было бы вновь декларировать более скромную внешнюю политику, ориентированную на сотрудничество. Это тоже способствовало бы восстановлению наших позиций. Но для этого потребуется немало времени.

Выступления

С.М. Рогов (Институт США и Канады РАН) Я прежде всего хочу поблагодарить Михаила Сергеевича за приглашение. Для меня и моих студентов, присутствующих здесь, это огромная честь послушать Горбачева, Фрэнка Фукуяму. Я знаю Фрэнка не так долго, как Кандализа Райс, но тоже уже давно. Должен сказать, что

Фрэнк – один из наиболее интересных мыслителей конца XX – начала XXI веков. Мы запомнили его по провокационному названию «Конец истории», но он пишет на самые разные темы. Например, у него есть крайне интересная работа по социальному капиталу. Другая книга - «Строительство государства»... Может быть, со времен книги под названием «Государство и революция» не было такого, на мой взгляд, интересного анализа.

Что у Фукуямы характерно и необычно? Он постоянно критически анализирует свои собственные взгляды. Он сказал, что он тоже ведь начинал как неоконсерватор. Но сегодня неоконсерваторы его очень не любят, потому что он подверг критическому анализу многие идеи неоконсерваторов, хотя это чревато даже какими-то проблемами в личных отношениях со старыми друзьями.

Я хочу начать с той мысли, которую высказал Фрэнк, когда он сказал, что на эту работу - «Конец истории» - его навели выступления Горбачева. И я думаю, что для такого заявления есть основания. Ведь именно в эпоху перестройки Горбачев провозгласил приоритет общечеловеческих ценностей. Мы признали, что мы не обладаем монополией на истину. Мы признали, что у всего человечества есть какие-то главные, общие ценности.

Я думаю, что Фрэнк по-своему сформулировал эту идею, когда он провозглашал «конец истории». В качестве общечеловеческих ценностей Фрэнк выдвинул идею либеральной демократии, западной демократии, американской демократии как образца для всего человечества.

Я думаю, что вина неоконсерватизма как течения заключается в том, что в тот момент, когда холодная война закончилась, неоконсерваторы - тот самый Пол Вулфовец, под руководством которого Фрэнк работал в 92-м году (если я не ошибаюсь) в Пентагоне - провозгласил в пентагоновском документе очень важную цель американской политики. Она остается главным стратегическим приоритетом США до сих пор: не допустить появления равного по силам соперника, каким был Советский Союз.

Что это означает? Таким образом, идея однополярного мира с одной сверхдержавой постепенно приобрела и доктринальную мощь, и начала претворяться на практике в американской политике.

Еще один документ, который Фрэнк цитировал, - это «Стратегия национальной безопасности США 2002 года». Меня поразила первая фраза этого документа - она звучит прямо как решение съезда КПСС: «Победа США в холодной войне показала, что у всего человечества есть только один путь к успеху, свободе и процветанию – американский путь».

Горбачев М.С. Я помнил, что болезнь победителя не дает возможности политической элите Соединенных Штатов, и не только ей, адекватно взглянуть на мир, который стал уже совсем другим по сравнению с тем, чем он был даже в середине 80-х годов.

Рогов С.М. Я просто аплодирую Фрэнку, когда он критически анализирует такие документы, как «Стратегия национальной безопасности США», поскольку эта «стратегия однополярного мира» привела, на мой взгляд, США сегодня к самому тяжелому кризису в американской истории, может быть, со времен гражданской войны в США. Поскольку последствия Ирака будут более серьезными, чем последствия Вьетнама.

Если позволительно, я хочу немножко порассуждать о том, что происходит. Закончилась холодная война, но те идеи, которые провозглашались в конце холодной войне, не были реализованы. Не была создана новая система международной безопасности, та, о которой говорил, между прочим, и Джорд Буш-старший, - новый мировой порядок на основе международного права, на основе принципов демократии.

Вместо этого Америка попыталась одна осуществлять контроль над развитием событий. И произошло перенапряжение сил. В результате мы не знаем, когда Соединенные Штаты уйдут. Осенью нынешнего года начнутся очень тяжелые дебаты: как свести к минимуму результаты поражения в Ираке. Но о победе в Ираке уже говорить невозможно.

Однополярный мир разваливается прежде, чем он состоялся. И сегодня возникает совершенно ясная и очевидная картина формирования многополярного мира. Но, мне кажется, рано радоваться.

Михаил Сергеевич, несколько дней назад я Вас видел по телевизору (редко Вас вижу там). Вы употребили очень интересную формулировку в описании нынешнего состояния международной системы, системы международных отношений. Вы употребили термин из нашей истории – смута.

Горбачев М.С. Предчувствие смуты.

Рогов С.М. У меня лично предчувствие хаоса. Потому что мы движемся в многополярный мир, в новую многополярность, которая существенно отличается от той многополярности, которая была до холодной войны.

Три главных отличия. Первое – это многополярность, но не на основе одной только западной цивилизации, а на основе нескольких цивилизаций. Тут и конфуцианство, тут и индуизм. Какую-то роль будет играть и ислам. Раньше такого никогда не было. Китай мог быть 500 лет назад сверхдержавой, но кто об этом знал?

Второй очень важный момент, важное отличие. До холодной войны существовал многополярный мир, в котором постоянно происходили конфликты, но не было ядерного оружия. Сегодня, практически, все центры силы обладают ядерным оружием. Может быть, Япония – исключение. Но насколько долго Япония будет оставаться исключением, если распространение ядерного оружия будет продолжаться? Я думаю, возможны разного рода повороты.

И третье отличие – нет общих правил игры, принятых для всех, признаваемых всеми. Особенно опасна (я скажу чуть позже об этом) перспектива полного развала системы контроля над вооружениями, которая сложилась. Она начала строиться до Горбачева. Но зрелая система соглашений по контролю над вооружениями – и стратегическими, и средней и меньшей дальности, и обычными вооружениями – не сложилась. Такое впечатление сегодня, что она доживает последние дни, но, по крайней мере, годы. Это означает, что мы можем вступить в многостороннюю гонку вооружений без правил. Это очень опасная вещь.

И в этой связи задается вопрос: возможна ли новая холодная война? Конечно, повторение холодной войны, как это было между двумя сверхдержавами – СССР и США – невозможно. Но возможно формирование некоей конфронтационной модели отношений между Россией и США, Россией и Западом в целом. Здесь есть целый ряд угрожающих признаков.

Посмотрите, что творится в экономике, когда вместо сотрудничества энергетика превращается в сферу соперничества. Посмотрите, что происходит в плане (я уже говорил об этом) развала режима контроля над вооружениями.

Меня особенно настораживает идея несовместимости ценностей России и Запада, которые сегодня активно пропагандируются и в Америке, и в Европе, и у нас. То есть мы как бы прошли полный круг – 20 лет назад провозгласили общечеловеческие ценности, а сейчас очень модно

рассуждать: для россиян главная ценность – это сильная власть, а на демократию и свободу им наплевать.

Эти события последнего времени требуют, на мой взгляд, очень серьезных усилий для того, чтобы переломить сползание к многостороннему хаосу, и для того, чтобы все-таки создать управляемой многостороннюю систему международных отношений.

Скажем, такие институты, как Организация Объединенных Наций (можно дальше говорить подробно), сегодня крайне малоэффективны. Надо либо делать их эффективными, либо думать о новых формах.

И особенно важно, на мой взгляд, не дать умереть контролю над вооружениями. Ведь что делает администрация Буша? Она практикует избирательный контроль над вооружениями. Договор по ПРО связывал Америке руки – долой его. Не нравился им Договор о всеобщем и полном запрещении ядерных испытаний – долой. А, скажем, Договор о ракетах средней и меньшей дальности Америке не мешает. Ведь в Канаде нет ракет средней дальности, в Мексике – нет и даже на Кубе – нет пока. Значит, пускай Россия его соблюдает.

Или ДОВСЕ – тоже это ведь в Европе. Это только Россия ограничена фланговыми зонами, а Америка на своей территории (и не только на своей – в Ираке, Афганистане) может делать что угодно.

Через два года истечет Договор СНВ-1. И если не будет продолжения, то никогда не вступит в силу Договор, который подписали Буш и Путин. Поскольку даже нет правил – чего считать, как считать развернутые боеголовки, когда нет никаких критериев.

В начале этого года появилось (и, к сожалению, у нас на это мало обратили внимание) письмо Джорджа Шульца, Киссинджера, Пэри и Нанна. И появилось еще письмо Горбачева.

Горбачев М.С. Статья.

Рогов С.М. И в том и другом случае были статьи, которые были опубликованы. Но по существу это обращение к общественности.

Горбачев М.С. Причем там и демократы и республиканцы.

Рогов С.М. Да. Обращение к научным центрам: давайте все-таки задумаемся. Мы, что отказываемся от идей контроля над вооружениями? Ведь если умрет идея контроля над вооружениями между Россией и США, режим нераспространения, который когда-то СССР и США навязали всему миру, рухнет.

Перед нами, на мой взгляд, стоит задача изобрести контроль над вооружениями заново. Потому что даже если мы спасем и модернизируем российско-американский контроль над вооружениями, а Китай, а Индия, Англия, Франция, Израиль, Пакистан и дальше по списку, который может еще вырасти? Для них хоть какие-то правила игры есть или вообще нет? Это очень серьезная интеллектуальная задача.

Заканчивая, я хотел бы сказать следующее. Не знаю, может быть, я сейчас Фрэнка спровоцировал написать новую книгу. Он написал книгу «Строительство государства». Может быть, он напишет книгу «Строительство системы контроля над вооружениями».

Михаил Сергеевич, может быть, Вам и Вашему Фонду взять на себя инициативу организации экспертных, мозговых штурмов по проблеме создания новых элементов системы международной безопасности, которая необходима XXI веку. Речь идет не о том, чтобы возродить советско-американский контроль, который был в годы холодной войны, а о том, чтобы создавать новую систему, новые механизмы, новые методы, которые будут нужны в многополярном мире в XXI веке.

Ф.А. Лукьянов (журнал «Россия в глобальной политике») Я тоже

прежде всего хочу поблагодарить Михаила Сергеевича Горбачева за приглашение (для меня огромная честь здесь выступить) и профессора Фукуяму за очень интересное установочное выступление.

Я продолжу то, о чем говорил Сергей Михайлович Рогов, только с другой стороны. Тема у нас обозначена как «Внешняя политика США после Буша». Но, по сути дел, внешняя политика США столь важна, что можно сказать: международные отношения после Буша.

Мне кажется, что мы столкнемся с двумя ключевыми проблемами. Мы – это в смысле прежде всего Америка как самое сильное государство, на котором лежит огромная ответственность, ну а весь мир – поскольку мы от этого всего зависим.

Первая проблема – это в принципе судьба демократии, как понятие, как общественное устройство. И вторая проблема – это необходимость возрождения подлинной профессиональной дипломатии. Что касается демократии, то мне кажется, что она находится сейчас под угрозой. Не только потому, что эта идея, к сожалению, была дискредитирована деятельностью нынешней американской администрацией. Это, безусловно, тоже один из факторов. И продвижение демократии в инструмент большой политики, конечно, очень подорвало доверие к этому понятию.

Но если бы дело было только в этом, это было бы поправимо. На мой взгляд, ситуация хуже. Появляются сомнения относительно того, что

демократия действительно является самой успешной и самой эффективной формой развития.

Появляются державы, которые добиваются успеха и увеличивают свою роль в мире, достаточно стремительно это делают, но при этом они, в общем, далеки от западных канонов демократического устройства. В результате в сознании людей и в этих странах, и отчасти в мире в целом происходит, я бы сказал, отрыв идеи экономического успеха от идеи демократического построения политической системы. То, что раньше как бы само собой разумелось, что самая успешная часть мира – это та, которая живет по демократическим законам.

В России выражением этого является, я бы сказал, такая «магия БРИК». Документ, который, на мой взгляд, очень сильно повлиял на российское политическое мышление в последний год, - это был знаменитый доклад инвестиционной компании «Голдман-Сакс», который объединил Бразилию, Россию, Индию и Китай в единую группу лидеров XXI века.

Я не слышал, чтобы в Индии, Китае и Бразилии очень активно об этом говорили. То есть они это приняли к сведению – и всё. А у нас это стало такой путеводной звездой. Потому что действительно впервые было четко сказано, что у России такие блистательные перспективы. Но тем самым мы попали в группу стран, которые, в общем, специфически относятся к демократии. Но Бразилия немножко в стороне. Скажем, в Индии, конечно, демократия весьма своя, своеобразная, не говоря уже о Китае.

Да, по-прежнему очевидно, что общества, в которых доминирует авторитарный капитализм, не способны обеспечить то качество жизни, которое есть в демократических странах.

Но одновременно в глобальной конкуренции, которая обостряется совершенно очевидно и которая теперь уже, к сожалению, основывается на ожесточенной геополитической борьбе за ресурсы, страны авторитарного капитализма добиваются успеха именно потому, что издержки, то есть

уровень затрат на людей, там намного ниже. И получается, что в этом конкурентном противостоянии страны, добившиеся более высокого уровня жизни, проигрывают именно по этой причине, или, во всяком случае, существует угроза того, что они проиграют.

Поскольку они не уверены в своих силах теперь уже или, скажем, уверены гораздо меньше, чем прежде, под угрозой оказывается базовая идея - идея свободы экономики, свободы торговли. Это отставание в глобальном развитии подрывает идею свободы торговли примерно так же, как борьба с терроризмом подрывает идею свободы личности. То есть получается, что наступление на это демократическое сознание идет с разных сторон, но весьма активно.

Говоря о Соединенных Штатах после Буша, мне кажется, что главное бремя, которое ляжет на единственную сверхдержаву, - это доказать, что демократия и свобода по-прежнему эффективны. Причем это уже не само собой разумеется. Это именно что надо доказывать. Чувство такой автоматической правоты (о чем говорили до меня многие), которое сформировалось у западного мира после того, что они считают победой в холодной войне, сыграло очень злую шутку. То есть это самоуспокоение привело к тому, что теперь заново придется доказывать свою состоятельность и свое лидерство. Причем это ляжет именно на Соединенные Штаты, поскольку Европа, на мой взгляд, очень плохой помощник. Она сама глубоко увязла в своих проблемах и в силу больших успехов в области социальной политики она явно менее конкурентоспособна, чем Соединенные Штаты, не говоря уже о странах, где социальная политика не существует - таких, как Китай.

Для России все это, на мой взгляд, очень важно. Потому что мы находимся под главной угрозой - увлечься идеей авторитарного капитализма, идеей успеха государства на мировой арене, в мировой конкуренции, а не

нации как людей, которые ее составляют. К сожалению, у нас очень велики традиции именно такого подхода.

И второе насчет возрождения подлинной, профессиональной дипломатии. Сейчас все (включая администрацию Буша и самих убежденных неоконсерваторов) уже согласны с тем, что односторонний подход - это плохо, это не работает, это приносит прямо обратные результаты.

Но такого понимания недостаточно. Поскольку мне кажется, что форма многостороннего подхода, которая избрана сейчас американской администрацией, - это на самом деле не стремление действительно понять, чего хотят другие, попытаться договориться, а это некое внешнее проявление. Да, мы были неправы, что мы с вами не посоветовались. Теперь мы с вами будем всегда советоваться. Мы всегда будем приходить и говорить: «Вот так и так мы будем делать, а вы нас в этом поддержите».

Мне кажется, это тоже принципиальная проблема современных международных отношений. И здесь профессор Фукуяма говорил о том, что есть два подхода: есть подход продвижения демократии, есть подход реалистический. В этом нет никакого противоречия. Демократию надо продвигать не так, как это делали, но ее надо защищать своим примером. Но это не исключает очень серьезного отношения к переговорам, к разговорам с партнерами на мировой арене.

Такое впечатление, что со времен холодной войны великие державы, вообще говоря, разучились друг с другом говорить. Не в этом зале, не в присутствии Президента Советского Союза и многих дипломатов мне рассказывать, что такое настоящие переговоры равных соперников, когда высоки ставки, но когда очень высока ответственность.

После холодной войны опять же, мне кажется, это ощущение абсолютной моральной правоты, которое охватило западный мир, привело к тому, что отпала внутренняя потребность в переговорах. Мы же знаем, что

это правильно. А если это правильно, то вы либо должны и так это понимать, а если вы не понимаете, то проще, так сказать, долбануть, чем поговорить.

Результаты мы наблюдаем сегодня. То, о чем говорил Сергей Михайлович Рогов, о надвигающемся хаосе, – это один из результатов.

Профессор Фукуяма упомянул Косово. Мне кажется, это очень яркий пример того, как неправильно подходят к решению очень сложной, но, вообще говоря, элементарной, с точки зрения мировой истории, проблемы. Но таких проблем было много. На самом деле сейчас позиция Россия, про которую все гадают: а что же Россия хочет, а что Россия пытается выторговывать, мне кажется, очень четкая и понятная – ребята, вы с сербами договоритесь. Если вы с сербами договоритесь, мы тогда это поддержим. И вопрос в том, что, прежде всего Европейский Союз хочет, грубо говоря, на халяву все получить. То есть сербы прекрасно понимают, что Косово ушло. Вопрос: что им предложат за это, как их за это поглядят по головке, насколько ускорится процесс интеграции в ЕС, что угодно.

Но это надо предложить. Это элементарный вопрос дипломатических подходов. Но вместо этого идет жуткое давление, попытка продавить: вот так будет, потому что так надо. Последнее заявление президента Буша о том, что пора Косово делать независимым, - это как раз пример такого подхода.

Мне кажется, что перед нами стоит двойная задача. Прежде всего, защита идей демократии. Это важно для всех. Это важно в том числе и для жителей тех стран, которым сейчас кажется, что демократия не нужна. И второе – это реалистический подход к тому, как вообще функционирует международная политика. А она функционирует при всех изменениях XXI века гораздо более последовательно и однообразно, чем кажется.

Выступления в дискуссии

Федотова В.Г (Институт философии Российской Академии наук)

Уважаемые коллеги! Мы все здесь начинаем воспоминание о статье «Конец истории». Я помню, как профессор Юрий Замошкин сказал: «Боже мой, неужели конец?! Ведь может быть скучно». Скучно никому не стало. Но, тем не менее, многое из того, что там было сказано господином Фукуямой, сбылось – это победа либерализма в глобальном масштабе, представленная в виде глобализации.

Но вспомним Пастернака: «Но поражение от победы ты сам не должен отличать». Дело все в том, что когда капиталистический мир стал глобальным и к нему присоединилось множество стран, не имеющих адекватных социальных структур для капиталистического демократического развития, то главная модель развития – догоняющая модель – перестала работать. Запад перестал быть единственным образцом развития. И Айзенштадт, и Хантингтон, и Бергер, и Гидденс, и очень многие известные социологи, работавшие в сфере модернизации, подчеркнули, что ныне начинается отклонение от этого западного образца и поиски вместе с вестернизацией еще каких-то собственных оснований развития.

Поэтому, мне кажется, что эта победа либерализма в глобальном масштабе привела к тому, что в конечном итоге в локальных структурах он потерпел очень существенное поражение. И мы сегодня видим экономические успехи тех стран, которые не имеют демократии, и мнения самих американцев состоит в том, что, если темпы развития Индии, Китая, Индонезии и Бразилии будут такими до 20-го года, каким они являются сейчас, то различие между Западом и не-Западом исчезнет.

В этой связи мне кажется, что формула: авторитарные режимы виноваты в том, что они не обеспечивают должного роста экономического уровня населения, в то время как демократические – его обеспечивают, как раз является перевернутой. Они потому и являются авторитарными, что они

не могут обеспечить экономического роста каждого человека. Но, тем не менее, в Китае общий подъем происходит, хотя не касается всех в отдельности.

Следовательно, мне кажется, что и идея демократии, за которую мы, сидящие в зале, все ратовали и ратуем, сегодня на уровне этих капитализмов, построенных на специфических национальных культурах и не вполне следующих опыту Запада, тоже трансформируется и меняется. И при таком распространении демократии она становится просто не диктатурой. Мы уже не можем сказать, что западный образец в этом отношении является универсальным.

Гринберг Р.С. (Институт экономики Российской Академии наук).
Я, во-первых, тоже должен поблагодарить Михаила Сергеевича за приглашение участвовать в этом Круглом столе.

Сергей Рогов, по-моему, очень верно высказался по поводу того, что может быть после однополярного мира. Угроза многополярного хаоса, может быть, будет намного страшнее, чем однополярный мир. Поэтому нам нужно ясно понимать, что теперешние тенденции наших отношений с Западом очень тревожны. Мои впечатления от разных семинаров, встреч, конференций последних месяцев говорят о том, что уровень недоверия резко возрос и продолжает расти. Российские и западные участники этих разговоров уже начинают по-разному понимать одни и те же слова.

Все это наталкивает на такие невеселые рассуждения, что отношения между Западом и Россией вернулись в такую обычную колею, типичную для прошлых веков. Для России – это любовь и ненависть, а для Запада – любопытство и страх. У нас маятник качнулся от любви конца 80-х годов к ненависти. Обманул нас Запад во всем. Это другая тема – насколько мы сами себя обманывали, насколько – Запад. Но, тем не менее, Запад не является уже символом процветания, приличной жизни и справедливости.

А на стороне Запада – просто страх. Отсюда рождаются простые рецепты, что если бы вы были демократическими, то и мы бы по-другому себя вели, и вы время от времени должны сдавать экзамены: насколько у вас продвигается демократизация. Ясно, что такое взаимное отношение ведет просто в тупик.

Поэтому, мне кажется, предложение Сергея Рогова – на основе Горбачев-Фонда и в рамках Горбачев-Фонда устраивать такие мозговые атаки по поводу того, что все-таки еще можно сделать, чтобы предотвратить этот рост глубокого недоверия, - по-моему, очень важно.

Но я хотел бы здесь сказать о другом. На повторный вопрос Горбачева: что же вы так в 90-е годы приветствовали нашу политику, когда мы были слабыми, а сейчас, когда у нас начинается консолидация, то вы не очень нас поддерживаете, Фрэнсис Фукуяма повторил известный тезис: да, сильное государство – это хорошо, но у вас все-таки нет сдержек и противовесов, нет таких атрибутов демократии. Мы так думали, что вы будете строить эти сдержки и противовесы. У вас не получается. И приводит пример Польши и Чехии.

Я здесь хочу сказать как эксперт по этим странам в недавние годы. Польские и чешские реформаторы не разрушали государство, они его реформировали. И их стремление к национальной независимости совпадало со стремлением вернуться в Европу, со стремление вновь жить с демократическими ценностями.

А в России была совсем другая история. Россияне хотели все-таки демократии, свободы, считая, что капитализм строить не надо, его надо только разрешить. Ликвидация социализма автоматически привела к хаосу. Народ потребовал закона и порядка, и он его получил, по крайней мере, порядок. Что касается закона – это другой вопрос. Но он его получил сейчас. Теперь ясно, что тоже с большим перехлестом.

Теперь я хочу перейти к тому, что сказал Лукьянов, - о том, что дискредитирована демократия. Это очень интересно, что в 90-е годы российские реформаторы дискредитировали демократию, а в 2000-е годы – американские республиканцы. Но, тем не менее, мы все должны ясно понимать, что, по-моему, лучше демократического способа правления не существует.

Я не знаю, как убедить американцев, что у нас финал открыт, что надо поддерживать демократические институты, которые у нас все-таки еще как-то теплятся. В любом случае мне кажется, что эта «Магия БРИК», о которой говорил Лукьянов... Действительно мы в России не обращаем на это внимание, считая, что верно Голден-Сакс сказал о том, какое у нас хорошее будущее без всяких демократий.

Мне кажется, не случайно господин Фукуяма не ответил на этот вопрос: почему так относятся к теперешней России. Это очень понятно – почему. Когда вы на улице – во-первых, вы самый сильный парень, во-вторых, вы самый богатый парень. И самое главное – что вы самый высокоморальный парень. Если вы твердо в этом убеждены, то у вас нет никакой необходимости с кем-либо говорить.

И в этом смысле действительно такая тупиковая ситуация. Я не знаю, как с этим бороться, - не являюсь экспертом по внешней политике. Но понятно, что ситуация выглядит грустной.

Палажченко П.Р.(Горбачев-Фонд) Тема выступления Фрэнка Фукуямы выбрана им самим. И она очень показательна. По сути дела речь идет о внешней политике США после Буша. Борьба за эту внешнюю политику уже началась, она идет и в Америке, и в мире. Причем я думаю, что наиболее разумная форма этой борьбы – попытка повлиять на американскую внешнюю политику путем диалога, конструктивного взаимодействия, что, кстати, стремится делать Михаил Сергеевич Горбачев в своих

многочисленных интервью и выступлениях в американской и международной прессе.

Фрэнк Фукуяма сказал (и, к сожалению, не развил эту мысль), что в американской внешней политике всегда присутствует или должна присутствовать какая-то большая организующая идея. Действительно

американская внешняя политика более, на мой взгляд, идеологична, чем внешняя политика других стран. И это факт. Любая внешняя политика должна быть, конечно, одновременно и реалистической, и нести элемент идеологии. В Америке последнее присутствует в большей степени.

Профессор Фукуяма говорил скорее о направлениях возможного движения, чем о какой-то генеральной идее. Может ли предвыборная кампания в США быть той площадкой, той платформой, где была бы сделана попытка выработать такую идею? В какой-то степени – да. И это необходимо. Потому что ясно, что идеологическая платформа, которая выражена в Стратегии национальной безопасности 2002 года, оказалась порочной, обанкротилась, не работает – можно выбирать любую формулировку.

Я думаю, что в выработке новой такой платформы, новой идеи, большую роль могли бы сыграть научные, академические центры и такие люди, как Фрэнк Фукуяма, Джозеф Най, который у нас тоже выступал и который здесь тоже упоминался, и другие.

Мне было бы интересно, чтобы в своем заключительном слове Фрэнк Фукуяма попробовал развить эту мысль – какова бы могла быть эта идея.

Подброшу свои «две копейки». Мне кажется, что в рамках новой идеологической платформы американской внешней политики должна была бы найти свое место идея о том, что для Америки и для всего мира очень важно создание *стабильной и развивающейся международной системы*.

Мне кажется, что это принципиально важно. Думаю, что идея нового мирового порядка, когда ее высказал президент Буш-старший, примерно это предполагала. Но потом распался Советский Союз, и начались попытки обойти необходимость создания стабильной и развивающейся международной системы и создать систему, основанную на монопольном лидерстве США.

Я думаю, что так же, как стабильное государство, работающее государство, развивающееся государство, - это необходимая рамка для развития демократии, точно так же в международном плане стабильная и развивающаяся международная система – это совершенно необходимое условие не только для нормальных международных отношений, но и для того, чтобы внутри уже отдельных стран могло начаться или продолжиться движение к демократии.

Как мне представляется, эта задача должна быть одной из главных в предстоящий период. И учитывая роль Соединенных Штатов (а она велика – кому-то это нравится, кому-то нет), я думаю, надо все-таки ожидать, что из Америки эта идея пойдет. И если она пойдет, мне кажется, она будет поддержана. И уже дальше из этого будет вытекать все остальное – и, в частности, другой язык диалога. То есть диалог, как здесь сказал Федор Лукьянов, не как уведомление, информирование партнеров о том, что мы это хотим сделать и сделаем, а диалог как действительно попытка интегрировать разные точки зрения.

Если мы хотим создать стабильную и развивающуюся международную систему безопасности, сотрудничества, совместной жизни, то без такого диалога не обойтись.

Грачев А.С. Несколько импровизированных мыслей-реакций на то, что было сказано. Во-первых, сколько бы книг ни написал Фрэнсис Фукуяма, после «Конец истории» он все равно останется автором этого клише. Все-таки надо напомнить (уже об этом сказал Михаил Сергеевич) о том, что, конечно, он не первооткрыватель. После Гегеля коммунизм ведь тоже был объявленным и обещанным вариантом конца истории. Был еще один вариант конца истории – уже более soft - мягкий. Это конвергенция, когда имелось в виду, что эта идеальная модель мирового устройства возьмет позитивные стороны из той и другой системы. Этой идеей увлекались люди и на Западе, и на Востоке – от Гэлбрейта до Сахарова.

А дальше наступил конец истории по Фукуяме. И, может быть, слишком догматически ее истолковав, администрация неоконцов попробовала ее реализовать в Ираке. Мы сейчас в очередной раз на очередных руинах очередного варианта конца истории.

Федор Лукьянов говорил о том, что система переговоров между партнерами в конце концов, давала интересные результаты. Холодная война осталась холодной, и мир был относительно стабильным. Но он сказал: равных партнеров. Этих равных партнеров больше нет.

И парадокс нынешней ситуации состоит в том, что нынешнюю американскую администрацию отойти от претензий на мировое господство заставил не Советский Союз как в эпоху холодной войны, а упрощая в этих стенах (вы меня поймете) – феномен терроризма Бен Ладен. Вот кто взял на себя функцию ограничения американского всевластия и бросил вызов США, а точнее говоря, показал, что в XXI веке критерии XX-го, критерии холодной войны, пересчета мощи на боеголовки, на танки и все остальное, даже на хайтек (высокую технологию) не играют. И значит, для XXI века нужна

другая система сдержек и противовесов. Потому что мы живем в XXI веке, когда формулы внутренней политики должны применяться к глобальному сообществу.

Как добиться того, чтобы сдержками и противовесами было не состязание между самой развитой в военном отношении супердержавы и самыми отчаянными, вплоть до самоубийства, а что может быть предельным выражением такого отчаянного вызова в этой неравной борьбе, чем камикадзе и террористы. Как перевести, короче говоря, строительство этой новой международной системы, о чем, поддавшись уговорам и разговорам с Михаилом Сергеевичем начал мечтать и Джордж Буш-старший, - о том, чтобы строительство этой системы стало состязанием между soft power, то есть в силе привлекательности, в силе убеждения, в силе примера.

И здесь я хотел сказать, что у меня есть, если хотите, новое предложение или, может быть, новый сюжет для очередной книги Фукуямы - положить в основу этой формулы демократию. Но, конечно, ради этой фразы не стоило бы говорить все, что я сказал. При одном условии: действительно война в Ираке дискредитировала не только Америку и не только ее союзников, которые туда пошли, но в целом демократию, и не только с точки зрения методов, которыми Америка начала ее распространять. От методов дискредитация перешла на существо этой демократии в ее западном варианте.

И не только потому, что это связано с тем, что «демократом номер один» объявил себя нынешний глава американской администрации, но с тем, что мир другой. Демократии другие. Например, в России, к сожалению, эти дебаты идут очень глухо и, скорее, идут в обратную сторону. Они идут в сторону того, что Россия могла же выбраться из ямы кризиса и ельцинского хаоса и беспредела без демократии, а может быть, даже вопреки демократии.

Все это ассоциируется опять-таки с тем воплощением демократии, которую все приписывают Фрэнку Фукуяму.

Я хочу закончить следующим. По-моему, надо «reinvent» изобрести заново демократию XXI века – ту демократию, которая включит элементы не только западной либеральной демократии, но и, в конце концов, тех гигантских массивов человечества, которые составляет подавляющее большинство населения. Это движение происходит. В Европе – да. Например, Юбер Ведрин – недавний французский министр иностранных дел – написал книгу, в которой сказал: «Запад утратил монополию и на воплощение определения прогресса». Это важная фраза. И это важная, я бы сказал, тема для размышления.

Я не знаю, готова ли Америка подключиться к этому диалогу. Потому что этот диалог предполагает, что в этом мире уже нет монополистов на определение прогресса. Для того, чтобы мы не поставили вопрос: существует ли прогресс вообще, давайте попробуем хоть представить эту новую концепцию демократии в том виде, в котором она себя подтвердит и докажет свою ценность не только в качестве метода, но и в качестве цели.

Спасибо.

Ознобищев С.К. (Институт стратегических оценок). Я вот на что хотел бы обратить внимание. Мы все знаем Фрэнсиса Фукуяму как сотрясателя основ наших представлений о мире. Но прежде чем продолжать их дальше сотрясать, я напомнил бы одно высказывание одного из Генеральных секретарей нашей партии (до Вас, Михаил Сергеевич это было). Он сказал: «У нас много хороших законов, товарищи. Дело только за их выполнением».

Если мы посмотрим вокруг: у нас действительно очень много всего. Этих бриллиантов, из которых можно сложить нормальное мироустройство, очень много, они рассыпаны вокруг. В Организации Объединенных Наций, если к ней приглядеться, Устав работает, дай Бог, наполовину. Военно-штабной комитет вообще не действует.

Договор о нераспространении ядерного оружия, статья 6-я просто призывает великие державы в духе добрососедства и диалога вести дело к всеобщему и полному разоружению. Я уж не говорю о последних инициативах. Это очень серьезное будет сделано предложение с американской стороны – статья «четырёх», ответ Михаила Сергеевича как на самом деле правозвестника этого движения.

У нас очень много не неоконсерватизма, а нигилизма. Был президент Рейган в свое время, потом – президент Буш-младший, которые приходят и говорят: «Ребята, вы чем занимаетесь здесь? Да все же это так просто. Сейчас мы быстро... Не работает политика – поставим, построим стратегическую оборонную инициативу». Мы партнеры, нам не нужны договора. Есть наука, и есть определенная последовательная действий. Нельзя нигилистам приходить в политику. То есть если они приходят – надо их воспитывать. Кто их может воспитывать? Только научная общественность, только политический класс, который должен превратиться из класса «yes-man» в действительно творческий класс, который требует от политиков настоящих действий.

Как мне это представляется? В первую очередь, надо подумать о том, как соблюдать существующие правила, не увлекаться созданием новых (новые могут создаваться только на основе уже существующего). Напомню, что все существующие организации возникли после разрушительной Второй мировой войны. Мы больше не хотим такой войны. И создать что-либо новое нам будет крайне сложно.

И еще, конечно, под давлением этого политического класса политики и лидеры должны очень строго спрашивать с экспертов и бюрократов. Потому что национальная бюрократия во многом является врагом прогресса и врагом нового.

В свое время Михаил Сергеевич очень строго спрашивал с переговорщиков. Он не требовал от них: вы обсудите и принесите мне

результаты вашего обсуждения. Он говорил: вы обсудите, решите вопрос в духе партнерства и сотрудничества. И только благодаря этому Договор об обычных вооруженных силах был завершен в полтора года. А второй договор так до сих пор и полощется в каких-то политических коридорах.

Заключительное слово

Фрэнсис Фукуяма. В выступлениях было затронуто очень много интересных вопросов. Я смогу отреагировать только на небольшую часть из них. Я не буду писать книгу о будущем переговоров по ограничению вооружений, как предложил Сергей Рогов, потому что перестал заниматься этим вопросом лет двадцать назад. Думаю, есть много специалистов, которые могут гораздо больше сказать на эту тему.

Но если уж говорить об этом, то я согласен, что мир готов к гораздо более крупным инициативам, как было предложено в письме четырех в газете «Уолл-стрит джорнел», и к гораздо большим сокращениям ядерных арсеналов. Надо вырваться из тех исторически сложившихся рамок, в которых мы действуем. Кроме всего прочего, если мы действительно хотим добиться нераспространения ядерного оружия, то очень трудно оправдать

наличие таких значительных арсеналов у Соединенных Штатов и России.

Думаю, что есть действительно новые, заслуживающие внимания инициативы, в том числе упомянутая. Но я хотел сосредоточить внимание на другом.

Хотел бы вернуться к ситуации в России и к вопросу, касающемуся отношений между США и Россией. Потому что и Михаил Горбачев, и другие выступавшие подняли вопрос о силе, о том, будут ли США прислушиваться только к силе, а не к аргументам, касающимся легитимности, призывов услышать голос разума и т.д.

Действительно, так устроен мир: люди прислушиваются к силе. И если вы хотите, чтобы мировая гипердержава серьезно к вам относилась, то к столу переговоров лучше приходить с определенными ресурсами, необязательно военными, а, скажем, ресурсами экономической мощи. И вообще сила в сегодняшнем мире выступает в различных формах. Но было бы очень печально, если бы из этого был сделан вывод, что прежде всего на этой основе должны строиться отношения между Россией и США.

Потому что в каком-то смысле такой проект – строить отношения просто на состязании в силе – с самого начала был бы обречен на неудачу. Во-первых, потому, что, хотя Россия снова стала серьезным игроком, я не думаю, что в долгосрочном плане в такого рода игре Россия сможет выиграть. Кроме того, такая игра ведет к множеству непониманий, к эскалации недоверия и тому подобное.

Представляется, что есть другие возможности взаимодействия, гораздо более эффективные. Например, мне кажется, что предложение г-на Путина в конце саммита «восьмерки» на прошлой недели, когда он воспользовался приглашением Буша и высказал готовность присоединиться к американской противоракетной системе, было блестящим ходом. Потому что в результате

теперь Буш должен доказать, что он действительно серьезно относится к возможному российскому участию в этой системе.

И теперь уже трудные решения придется принимать американской стороне. Это, мне кажется, гораздо более эффективный способ ведения дел с США вместо того, чтобы перенацеливать ракеты на Европу и т.п.

Еще один пример. Много, что произошло в российской внешней политике в последние несколько лет, как мне кажется, повысило подозрительность в отношении России. Не обязательно потому, что намерения России были плохими, а из-за того, как это было осуществлено.

Например, прекращение поставок газа на Украину. Я прекрасно понимаю желание России перевести цены на газ для Украины на рыночную основу. Это вполне законно и необходимо, и это, кстати, хорошо для самой Украины. Переход на цены, более близкие к рыночным, принес Украине пользу. Но то, как это было сделано, очень сильно подорвало добрую волю по отношению к России в Европе, особенно в Германии. Ведь отключение газа произошло в середине одной из самых суровых зим в Европе за многие годы.

В общем, я считаю, что идея о том, что сила – это единственный язык, который хорошо понимают Европа и особенно США, это опасная идея, опасный подход. В то же время надо признать, что нередко в политике США на Ближнем Востоке просматривается тот же подход, стремление изменить положение путем использования прежде всего военной силы. И из-за этого у нас возникла масса проблем.

Но самое главное, и я об этом очень много думал в последние двадцать лет, вся эта дискуссия, споры о цивилизациях в сопоставлении с моей гипотезой о конце истории... Самуэл Хантингтон утверждает, что мир поделен на культурные или цивилизационные общности и что Россия находится в отдельном сегменте, отличаясь от Западной Европы и США, имеет свою особенную культуру, историческую традицию и т.д.

Я знаю, что немало людей в России тоже так считают. Мне кажется, было бы большой ошибкой думать о развитии институтов в вашей стране с этой позиции. Потому что хотя верно, что институты и государство существуют потому, что они отражают определенные ценности и культуру, они также призваны служить основой экономического развития, обеспечения граждан определенным уровнем жизни.

В глобальной истории в последние несколько столетий мы видим общую эволюцию институтов, которая привела к созданию современных государств, способных выполнять эти функции. Когда говорят, что верховенство закона или прозрачность – вещи хорошие для современного эффективного государства, то, на мой взгляд, это так не потому, что это культурная ценность. Это не западная культурная ценность. Ни одно государство не способно служить своим гражданам, если правители страны не соблюдают предсказуемых правил. Это важно не потому, что к этому призывают США или Европейский Союз. Это институты и характеристики этих институтов, которые важны для россиян, да и для любой другой страны – для Китая, Индии, любой страны, которая стремится к созданию современного эффективного государства.

И поэтому, мне кажется, это общая, единая черта развития, которое мы переживаем. И представление, что это является просто продуктом истории или культуры, вряд ли способствует тому, чтобы правильно понять положение вещей.

Я отошел от темы американской внешней политики. Но мне показалось, что некоторые из поднятых вопросов очень интересны. И я благодарен за возможность принять участие в этой дискуссии.

М.С. Горбачев Я хочу поблагодарить Вас, профессор. Мы отнеслись к вашей инициативе позитивно, с интересом. Я думаю, что это правильно. За три часа фундаментально, серьезно все обсудить и сформулировать и оценки и прогнозы - было бы несерьезно. Но что-то интересное получилось.

Вы закончили тем, что Вы ушли от политики США. Я помогу Вам и начну с этого.

Я думаю, что очень многое сейчас, когда мы рассматриваем мировые дела, международные отношения, решение проблем, связанных с рынками энергоресурсов, торговлей, экологией и т.д., упирается в мировую политику.

Сейчас крупнейшие вопросы, связанные с безопасностью, экологией (океан, воздух и т.д.) и, наконец, с бедностью, ни одно государство, даже самое сильное - Америка, не способно решить в одиночку. Значит, нужны объединительные усилия.

А мировая политика пока у нас расчленена, разбросана. И это упирается в Соединенные Штаты. У них старое правило: не трогайте нашего солдата, мы по своим законам будем действовать.

Еще учредители, основатели Соединенных Штатов Америки предупреждали в своих основополагающих документах: не берите на себя связывающих обязательств и старайтесь вообще не входить в них, потому что раз вошли – надо выполнять. Так вот американцы воспользовались ситуацией, когда создался какой-то вакуум, когда с политической арены ушла вторая сверхдержава. Мне кажется, что это было плохо для всех, в том числе, и особенно, для Соединенных Штатов Америки.

Отсюда отставание мировой политики от быстроразвивающегося и меняющегося мира, который буквально за десять лет заново изменился: на арену вышли и новые центры силы, и новые проблемы, и старые иначе выглядят. Политика это не осмысливает, не выходит на совместные действия – и в этом беда.

А отставание мировой политики упирается в Соединенные Штаты Америки. В этом гвоздь проблемы. И пока мы не вытащим этот главный гвоздь, ничего хорошего не будет происходить.

Слава Богу, сейчас это понимают в мире, который очень критически оценивает Соединенные Штаты и их политику. И отсюда оценка роли

Америки очень снизилась, до таких показателей, которые, в общем-то, всех беспокоят.

Если смотреть на Америку сейчас, то она следует такому стилю, о котором говорил Черчилль. Он говорил: Америка в конечном счете обязательно поступит правильно, но после того, как перепробует все другие варианты. Вот пятнадцать лет прошло после холодной войны. Сколько накануне было разговоров, сколько было ожиданий: и высвободившиеся ресурсы направим на это, и что надо утвердить 0,7% отчислений ВВП для борьбы с бедностью. Было записано много конкретики. По экологии – Рио-де-Жанейро. Все рухнуло. 0,7% валового внутреннего продукта в интересах борьбы с бедностью отчисляют четыре государства, в основном из Северной Европы.

Действительно в Америке заболели болезнью победителя. И, оказывается, перемены их не касаются. Препятствием был коммунизм, социализм, эти системы. Они меняются, а нам не надо меняться. Всё – история действительно закончена. Вас спровоцировали, а вы поддались и так написали.

Я думаю, что это старые подходы, на которых политика Соединенных Штатах строится до сих пор. Правда, что что-то начало меняться. Во-первых, в самой Америке недовольных больше, чем даже в мире. Рейтинг президента небывало низкий. И многое-многое другое – не буду аргументировать.

Оставаясь на старых подходах, нельзя решить и внутренние проблемы Америки, и международные. Потому что в основе этих подходов – неадекватное видение изменившегося мира. А видение должно отражать то, что есть сегодня и то, что будет уже в ближайшее десятилетие. Это своего рода прогноз. Его нет. Значит, кризис лидерства в Америке.

Мне кажется, это главное.

Вокруг того, что я сказал – смута, хаос, - возник разговор. Вроде что-то страшное. Скажу так: это действует на человека и на политика, особенно который находится у власти.

Когда в Советском Союзе эти проблемы возникли и хаос нарастал, у меня была большая потребность, как я делал это часто, сослаться на Ленина, который был авторитетом для всех нас. Когда Юрий Афанасьев накануне партийной конференции редактировал большой труд «Иного не дано», знаете, в чем состояло категорическое требование? «Нам нужен социализм с человеческим лицом». Потом уже сам процесс привел нас на другие этапы.

Я думаю, что не надо бояться, когда мы говорим о хаосе. Просто надо реально анализировать для того, чтобы извлекать уроки для политики. Это должны делать политические и научные центры. Но они тоже пробуксовывают. Они привыкли заниматься апологетикой власти и ее политики. А нужно выдавать независимые суждения. Теперь у нас в России, по крайней мере, это есть, нравится это кому-то или не нравится. Возьмите любую книжку, например, Федотовой. Я читал ее последнюю статью. Она нас всех учит, как надо дальше жить. И правильно делаете – высказываете свою точку зрения.

Я сейчас процитирую Ленина, потому что ни в одном докладе так и не процитировал эту мысль. А Ленин говорил: «Не надо паниковать перед хаосом. Из хаоса вырастают новые формы жизни». Может быть, весь XX век был таким. Во всяком случае, я хочу сказать: унаследовал Путин хаос уж дальше некуда. Такого у нас не было ни после второй мировой войны, ни после гражданской войны. Но мы же выбираемся из хаоса и выстраиваем курс. Мы можем говорить о курсе Путина, который уже складывается и уже, по сути дела, контуры его есть. Не мог в ельцинские времена родиться этот курс. Так же, как и мы не могли предложить концепцию перестройки во времена тотального контроля партии, Политбюро. Да нас бы всех отправили на переподготовку в Магадан. Такое всегда рождается в трудных условиях.

Это результат процесса. Но хватило видения, что дальше так жить нельзя. В этих нескольких словах всё: дальше так жить нельзя.

Я думаю, у Путина получается. Мы его поддержали. Я поддержал открыто, везде, на всех трибунах – и в России, и за ее пределами. Потому что если поставить на весы просчеты Путина в политике, они есть – и в первом периоде, и во втором, и сейчас мы еще наблюдаем их, но перевешивают позитивные результаты.

Я говорил тоже о нарастающем хаосе и смуте в мире. Это не тупик. История не фатальна. В ней всегда есть место для альтернатив. Но надо избавиться от болезней. Одним – от болезни послеимперской, другим – от болезни супердержавной, оставшейся одной в этом качестве страны.

Политика будет отставать, если не будет адекватного видения, связанного в значительной мере и с политическими элитами. Уже два раза сменились эти элиты. Каждый начинал свою игру. И не получилось по-настоящему преемственности. Получилось много разрушения.

Второе. Что касается отношений Америки и России, то я не знаю, как это будет настраиваться заново. Мы в свое время из тяжелой ситуации конфронтационных десятилетий вышли через доверие.

Я думаю, у Путина было колоссальное настроение и большие усилия, чтобы это продолжить, сохранить. Потому что если вы не доверяете партнеру, если вы не доверяете его политике – ничего не получится. Все время подозреваешь: а зачем он это предлагает, он мне ставит ловушку, капкан.

Я должен сказать, что то доверие, которое сложилось в середине 80-х годов, в значительной мере порушено. Причем порушено на уровне народном, человеческом. А это уже тяжело. То есть по корень. Надо возрождать диалог, надо начинать взаимодействовать. Оказывается, сейчас начали восстанавливать рабочие группы по обсуждению проблем по конкретным направлениям с американцами.

Но многое было упущено. Потому что была сделана ставка: все взять под контроль. Новая империя. «Сам Бог так распорядился, эта империя сама пришла к нам в руки, это не мы виноваты». На самом деле новую империю целенаправленно создавали. Но сейчас это рухнуло вместе с однополярным миром, концепцией односторонних действий.

И почти последнее. Это уже касается стиля, методов ведения дел. Обещания, заявления - и на международном уровне, и в двусторонних отношениях. Это просто страшная болезнь. Четыре форума по пресной воде – американская сторона завалила результаты всех этих форумов. Киотский протокол. Его судьба известна. А теперь оказывается: все равно этими проблемами надо заниматься. В Йоханнесбурге собрались, с трудом формулировались эти обязательства. Потом они стали обязательствами государств-членов ООН – Декларацией Миллениума в начале XXI века. Люди решили начать новый век по-новому. Там многое: вода, бедность, образование, болезни и т.д. Все очень важные вещи.

Через пять лет собрались. Что же сделано по реализации этих обязательств, подписанных первыми лицами в такое время? Провал, болтовня. Нет по-настоящему политической воли. И все это связано с элитами.

Эти вопросы надо ставить и основательно ставить. Тогда, может быть, что-то будет получаться.

И, наконец, последнее – демократия. Я бы выстроил так: демократия, государство, прогресс. И должен сказать: в этом треугольнике или в этой цепочке все связано. Мне не понравилось, когда Вы сказали: хорошо распространять демократию, но важно – каким способом. Да нет, не хорошо распространять демократию. Демократия должна вызревать на национальной почве, с учетом культуры, всей истории того или иного народа. Но безусловно, и с учетом и в контексте мировых достижений в демократии.

В противном случае это превращается в крышу для достижения своих целей. Надо прямо называть эти вещи. Мы уже в этом убедились.

Давайте вспомним Малайзию. Как хотели свернуть шею руководству и премьеру этой страны. Но он сказал: мы будем выстраивать свои подходы, мы по-своему будем проводить реформы. В результате это процветающая страна. И уж, конечно, Китаю Америка ничего не навяжет. И в результате Китай движется. Я, конечно, далек от того, чтобы превозносить Китай. Там столько еще беды и нищеты, что у них еще самые трудные вопросы впереди. Там тяжелейшая ситуация с экологией. Потому что темпы-темпы-темпы (как у нас было) – и никакого внимания экологии.

Валовой внутренний продукт чуть больше тысячи на душу населения. Но них все впереди. Вы думаете, там демократия будет такой же, как у вас? Даже такой не будет, как у нас. *(Смех)*.

Мы тоже будем двигаться. За позитивными социальными изменениями будет улучшаться и вся ситуация в стране.

Вы правильно поставили вопрос о роли государства. Я только вчера ночью вернулся из Японии. И там мы вспоминали, что когда я еще был президентом страны, японцы нам говорили: что вы делаете с государством, вы же никаких реформ без него не проведете. Мы тогда давали им полосы в «Правде», они публиковали статьи о роли государства в реформах, которые проводила Япония.

Почему такие требования к нам? Я простым американцам говорю просто: что же вы хотите, вы двести лет создавали свою демократию, такую, которую и мы признаем, хотя могли бы вам показать пальцем на многое, но не будем это делать. Но вы переоцениваете наши таланты. Мы талантливее, чем вы, но не настолько, чтобы то, что вы сделали за двести лет, сделать за двести дней. Нельзя толкать, давить, требовать. Это унижает людей. Где их суверенитет, где осознание того, что на их достоинство никто не покушается? Нет, они все должны принять сами.

Да, демократия, и государство, но и прогресс. Если нет социального прогресса, охватывающего образование и все остальное, весь этот сложный комплекс, - всё, демократия ставится под сомнение.

Наши ученые ездили на два конгресса. И последний из них - политологический - был в Южной Африке. Политологи, практически все, за исключением немногих политологов из нескольких стран, заявляют, что постановка в такой форме, как это делается со стороны Запада, вопроса о демократии, не может быть принята другими странами. Они должны прийти к этому сами. И самое главное – надо помочь решить социальные проблемы. Ибо у нас теперь опросы показывают, что социальные проблемы вышли на самое первое место по приоритетности в политике и в практических делах. А что касается демократии, она где-то там...

Как вы предлагаете поступать? Даже нашей оппозиции, которая нам нужна, как воздух. Ибо без оппонирования опять будут ошибки, злоупотребления, культики разных размеров, доминирование и т.д. Но если 80% поддерживают курс Путина, то хотите или нет – надо улучшать этот курс, надо его критиковать, а не опровергать и говорить, что есть другой.

А вы помните, как решился в Швеции вопрос о собственности. Там были свои олигархи, нахватили ценности. И правительство и профсоюзы объединились и сказали: есть два варианта. Или вы делитесь, и мы наводим порядок и распределяем собственность так, чтобы это отвечало интересам всего общества, или мы принимаем закон о национализации (а там вся власть в парламенте социал-демократов). Всё. Решили, перераспределили. Всё в интересах нации.

В каждой стране свой вариант, своя история, как и в каждом конфликте своя история. Нельзя что-то решить под общую гребенку.

Спасибо вам за то, что вы приехали. Мы довольны этой встречей.
(Аплодисменты).

А сейчас я хочу подарить Вам книгу. Это записи наших сотрудников – Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова, - которые они делали на заседаниях Политбюро. Это, по сути дела, исторический документ.

Фрэнсис Фукуяма. Я очень благодарен за этот подарок. Мне бы хотелось вам также подарить свою книгу на русском и английском языках об американской внешней политике и журнал, редактором которого я являюсь.